

Клубные встречи

Наш нынешний гость — известный писатель-сатирик — в специальном представлении не нуждается. Все и так знают, что Михаил Задорнов — один из самых остроумных людей в стране. Причем учтите, что встречу с ним, начавшуюся на газетной странице, вы при желании можете продолжить 12 сентября — в 19 часов состоится творческий вечер Михаила Задорнова на сцене Театра эстрады. Как говорится, спешите видеть. И слышать. Когда-то еще выпадет такая возможность...

Михаил ЗАДОРНОВ:

«Вот если бы Гундарева родила от Патриарха...»

— Михаил Николаевич, вы наметили только одно выступление — почему так мало?

— Я последнее время вообще не выступал и как-то не собирался этого делать. Сидел писал киносценарий — тоже ни для кого, просто для души, — и вдруг стали появляться какие-то боковые идеи, отпочковываясь от сценария в рассказы. Начал один делать — он на два раздвоился, другой расцвел — и, глядишь, получилась минимум половина новой программы. И я хочу их почитать перед тем, как поехать за границу на гастроли, и посмотреть, найдут ли они какой-то ответ у зрителей.

— Куда поедете?

— Знаете, это теперь так банально говорить... В Америку...

— Фу, как пошло.

— Да, пошлость какая-то — я так стесняюсь... Так и напечатать: такая пошлость — в Америку. И правда: стыдно говорить.

— Вы много выступали по стране и за рубежом — где, по-вашему, самая смешливая публика?

— В свое время эмигранты очень хорошо реагировали, потому что они были уже более раскрепощены, чем наши: свободны, не стеснены ничем. А вообще у них реакция такая же повышенная, как у нас на юге: то есть человек еще не понял, что к чему, но уже смеется. На всякий случай. Сейчас похуже, потому что поколение, которое уехало в свое время, стареет. А молодежь у них подрастает — она не хочет знать никого и ничего из России, она уже выросла с компьютерами, с языком, с бейсболом. Наша душевная жизнь не такая упрощенная — и им лучше жить той жизнью.

— А где самые тупые зрители?

— Бывают такие выступления на больших заводах у нас в России — шефский концерт в обеденный перерыв. Для меня это было самое тягостное.

— А москвичи — хорошая публика?

— Ленинградцы лучше. Мне кажется, потому что в Ленинграде сохранилась читающая часть людей, не только смотрящих телевизор. Это Москва его смотрит, а в Петербурге в генетике другие желания: книги, музеи, архитектура. Например, я скажу: «Чем отличается наш народ от других народов мира? Все народы мира притворяются умными...» И делаю паузу. И в Ленинграде уже начинаются аплодисменты, потому что они про себя заканчивают: «...а мы — дураками». Более того: они понимают, что, дураками притворяясь, мы остаемся умнее тех, кто притворяется умными. А если скажу это в Москве, в некоторых залах вообще не смеются.

Поэтому многие артисты сегодняшние оглушают свои тексты: им нужен успех любой ценой. Для нас ведь смех в зале точно

наркотик. Я, например, всегда хочу, чтобы у меня оченно смеялся зал, но чтобы он и подумал. Поэтому у меня всегда первая часть выступления более такая разумная, а вторая как бы более хохмаческая. Но стремлюсь, чтобы доля разума даже в хохмах была.

— Вы чувствуете энергетику зала?

— Да, обязательно. Думаю, что это очень существенно меня изменило. Во-первых, очень много здоровья отобрало. Но энергетика зала дала мне возможность почувствовать энергообмен между людьми, кланами, партиями, лидерами. То есть я донор-вампира.

— Помесь?

— Каждый человек где-то донор, где-то вампир, но все-таки лучше, когда больше донорства. Поэтому я стараюсь работать и давая залу, и заряжаясь от него. Это взаимнообмен такой.

— По вашим текстам видно, что вы человек весьма наблюдательный, но в них бывает трудно отличить факт от остроумной выдумки. Допустим, когда у вас один персонаж дорожный «порш» об осину гробанул — это реальный факт?

— «Порш» об осину — реальный, а дальше разговор немножко придуманный. Как мы говорим, докрученный. Я очень реальный человек в своем творчестве: всегда деталь какая-то берет мной из жизни, и на ее основе делается рассказ.

— Я замечал по людям, которые занимаются юмором, сатирой: зачастую они очень цепко слушают, а сами боятся проговориться, пошутить лишний раз, чтобы остроумию не сперли колле-

ги. Вы таким скопидомом не являетесь?

— Нет: завтра жизнь преподнесет новое. Вообще же у меня сейчас такой период наступил, когда мне эстрада как бы нравится — успех, публика, аплодисменты, но не хочется там все время быть, всю жизнь. Все-таки, наверное, каждый мечтает о переходе от Чехонте к Чехову. И я бы хотел попробовать это сделать, но для этого нужно уединение. И вот пытался найти уединение, а опять написались рассказы. Я как шарик в устойчивом равновесии, попавший в желобок. Пытаюсь из него вырваться, а меня обратно кувырк — на дно этого желобка эстрадного.

— Вы пишете сценарий. Но по нынешней киношной ситуации продать его будет непросто...

— Я всегда говорил: богатый человек не тот, у которого много, а тот, которому хватает. И надо отойти от всеобщей денежной лихорадки. Поэтому я пишу для себя. Ну не снимется сейчас — снимется через пять лет. У меня много друзей, я найду деньги, чтобы его снять, но не думаю сейчас об этом. Главное — хорошо написать.

— Это вещь без политики?

— Я сейчас совершенно не хочу быть в политике. Я даже уеду на эти дни, потому что в связи с предвыборной кампанией артистов стараются привлечь. Я уже однажды «привлекался» — хорошее слово для этого дела, очень точное — и больше привлекаться не хочу. Я хочу уединения и работы. А если не получится переход от Чехонте к Чехову — что ж, Чехонте я работать еще смогу.

это делает. Поэтому я вообще считаю, что законное воровство — единственный возможный строй в нашей стране.

Я смотрю на эти партии и думаю: это же не партии — это группировки. Они уже даже языком таким же говорят: «У нас начались политические разборки». У них нет программ — у них паханы. И отличаются они друг от друга паханами, а сути настоящей у них нет.

У одного Жириновского есть. Он появился закономерно. И когда его называют сумасшедшим... Вот мне один человек из зоны говорил: если кто косит под шиза, а с шизы имеет хорошие бабки, то он не шиз, а шизыте, кто верит, что он шиз. Была его встреча с журналистами: как он их всех уделявал — чудо! А они вместо того чтобы задавать вопросы по его программе — и тогда, может быть, он проколется, — говорят: а вот этот врезал вам по морде, а вот там вы нюхнули кокаинчику... Очень пошло. Как они все мелки, как закодированы... В общем, я в этом уголовном мире не хочу принимать участия.

— А от чего, по-вашему, происходит наша закодированность?

— Не могу я ответить на этот вопрос... Я думаю, что в нашем народе намешано очень много кровей. Это же надо — славяне! Столько примеси варяжской крови, есть мордва, есть печенеги (которые вдруг исчезли с появлением Руси — то есть они растворились), есть хазары, есть татаро-монголы, евреи... И я говорю: это не кровь — это «ерш». А пока «ерш» бродит — голова нетрезвая. И я даже один свой монолог сегодняшней закончил тем, что придет время — все нормально осядет, протрезвеем, но, как сказал поэт, жаль, что в эту пору прекрасную жить не придется ни мне, ни тебе.

Где-то чего-то хорошее в России вообще есть. А я должен как сатирик все время видеть плохое — вот этим мне и не нравится Чехонте в себе.

— Хорошее, в частности, — ваш фонд «Содружество». Его цель, как я понимаю, помощь русским людям в Латвии?

— Вообще в странах Балтии. Мы больше всего знали про порядки именно там, поскольку я сам оттуда, вот и выделили их себе. Почему так получилось? Очень многие из моих знакомых попали в тяжелое положение, и хочется помочь кому-то. Много учителей, врачей, старых людей, уволенных с работы за незнание языка. Кто в 60 лет выучит язык? Но я понимаю и тех тоже — им хочется, чтобы это была их страна, отделившаяся от сумасшедшей России. Но как отделиться от такого гиганта, который давит на тебя «черными» наличными деньгами, переправляет их через твои банки и всячески — если не политически, то денежно — заставляет говорить по-русски. Конечно, это тяжело. И я понимаю прекрасно, что у маленькой нации другая психология. Мы совершенно разные и должны жить в совершенно разных зонах. Свободных, но зонах. Но это огромная отдельная тема.

— Мы с вами встретились в помещении одного из московских театров. Наверняка вы здесь не случайно...

— Мы организуем возможность гастролей наших российских театров в Латвии и Эстонии. Ведь раньше приезжали театры на месяц, шли замечательные спектакли. Будем думать, как сделать, чтобы и теперь это было возможно. Театр нельзя делать с дорогими билетами — это не Пугачева с Киркорымов, которые только что поженились. И получается — чтобы привлечь массового обывателя к, допустим, Театру Маяковского, надо, чтобы весь театр переженился на восточных актерах и был дикий скандал по разделу белья от Армани или чтобы Гундарева родила от Патриарха...

— И снова возвращаясь к предстоящему творческому вечеру: вы сейчас выходите на сцену после некоторого перерыва, а не боитесь ли потерять форму, чувство зрителя?

— Немножко, но не очень. Я думаю, что моя программа будет состоять наполовину из совершенно нового, и за это я волнуюсь. Но все-таки опыт же есть. Все равно если человек у станка долго не стоял, он подойдет и все равно чего-то выточит. Наверное, не так гладко, не так чисто, будет шероховатости, но все равно он знает, какой резец подобрать под какую поверхность. А это уж я в своем ремесле понимаю.